

Пушкин Александр Сергеевич

Евгений Онегин

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич П.**
Евгений Онегин / Пушкин Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
119 с.

ISBN 978-5-519-79974-4

ISBN 978-5-519-79974-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Легко мазурку танцоваль,
И кланялся непринужденно:
Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденія въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ,
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латыни,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Феокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокой экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живеть, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгений,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспитъль Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный
Въ Молдавіи, въ глуши стѣней,
Вдали Италіи своей.

IX.

Насъ пылъ сердечный рано мучить —
Очаровательный обманъ —

Любви насъ не природа учить,
 А Сталь или Шатобріанъ.
 Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
 Мы узнаемъ ее въ романѣ,
 Мы все узнали; между тѣмъ,
 Не насладились мы ничѣмъ,
 Природы гласъ предупреждая,
 Мы только счастію вредимъ,
 И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
 Летить горячность молодая.
 Онѣгнѣ это испыталь,
 За то какъ женщинъ онъ узналъ!

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрить,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
 Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
 Стыдливъ и дерзокъ, а порой
 Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
 Шутя невинность изумлять,
 Пугать отчаяньемъ готовымъ,
 Пріятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленія,
 Невинныхъ лѣтъ предубѣжденія

Умомъ и страстью побѣждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь — и вдругъ
 Добиться тайнаго свиданья,
 И послѣ ей наединѣ
 Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда-жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ лживо злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья:
 Его ласкалъ супругъ лукавый,
 Фобласа давній ученикъ,
 И недовѣрчивый старикъ,
 И роконосецъ величавый,
 Всегда довольный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
 Къ нему записочки несутъ.
 Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовутъ:

Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
 Куда-жъ поскачетъ мой проказникъ?
 Съ кого начнетъ онъ? Все равно —
 Вездѣ посиѣтъ немудрено.
 Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ,
 Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,
 И тамъ гуляетъ на просторѣ,
 Пока недремлющій брегетъ
 Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Уже темно: въ санки онъ садится;
 «Поди! поди!» раздался крикъ;
 Морозной пылью серебрится
 Его бровевой воротникъ.
 Къ Talon помчался: онъ увфренъ,
 Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
 Вошелъ — и пробка въ потолокъ,
 Вина кометы брызнулъ токъ,
 Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
 И трюфи — роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучшій цвѣтъ,
 И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
 Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
 Залить горячій жиръ котлетъ;
 Но звонъ брегета имъ доносить,
 Что новый начался балетъ.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательныхъ актрисъ,

Почетный гражданинъ кулисъ,
 Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
 Гдѣ каждый, критикой дыша,
 Готовъ охлопать *entrechat*,
 Обшикать Федру, Клеопатру,
 Монну вызвать для того,
 Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
 Сатиры смѣлой властелинъ,
 Блесталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
 И переимчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнеля геній величавый;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнью кулисъ,
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:
 Все тѣ же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
 Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
 Услышу-ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И, устремивъ на чуждый свѣтъ

Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла — все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсь шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ советъ, то разовѣтъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаешь. Онѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся, потомъ на сцену
Въ большомъ разбѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ».

XXII.

Еще амуръ, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, каплять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ —
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу-ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрный
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуешь Лондонъ щепетильный
И по балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возить намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной —
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,

И, чувства излѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямая ножница, кривая,

И щетки тридцати родовъ —
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ

Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ:
Защитникъ вольности и правъ
Въ семъ случаѣ совсѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй Каверинъ, мой Евгений,
Боюсь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно-бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло;
Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсъ предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше-бъ могъ
Иноязычными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше посѣдимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливають свѣтъ
И радуги на свѣтъ наводятъ;
Усѣявъ площадями кругомъ,
Клестить великолѣпный домъ;
По дѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волосы рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
Но ихъ плавнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума;

Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги,
 Прошу мою замѣтить рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, построже
 За дочерью смотрите вслѣдъ,
 Держите прямо свой лорнетъ,
 Не то... не то, избави Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужь давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разные забавы
 Я много жизни погубилъ!
 Но если-бъ не страдали нравы,
 Я балы-бъ до сихъ поръ любилъ.
 Люблю я бѣшеную младость,
 И тѣсноту, и блескъ, и радость,
 И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ,
 Люблю ихъ ножки — только врядъ
 Найдете вы въ Россіи цѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Двѣ ножки!.. Грустный, охладѣлый,
 Я все ихъ помню, и во снѣ
 Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда-жъ и гдѣ, въ какой пустынѣ,
 Безумецъ, ихъ забудешь ты?
 Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
 Гдѣ мнете вѣшніе цвѣты?
 Валелѣяны въ восточной нѣгѣ,
 На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ

Вы не оставили слѣдовъ:
 Любили мягкихъ вы ковровъ.
 Роскошное прикосновенье.
 Давно-ль для васъ я забывалъ
 И жажду славы и похвалъ,
 И край отцовъ и заточенье?
 Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
 Какъ на лугахъ нашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Дианы грудь, ланиты Флоры
 Прелестны, милые друзья!
 Однако ножка Терпсихоры
 Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
 Она, пророчествуя взгляду
 Неотвѣтную награду,
 Влечетъ условною красой
 Желаній своевольный рой.
 Люблю ее, мой другъ Эльвина,
 Подъ длинной скатертью столовъ,
 Весной на муравѣхъ луговъ,
 Зимой на чугунѣ камина,
 На зеркальномъ паркетѣ залъ,
 У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
 Какъ я завидовалъ волнамъ,
 Вѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
 Какъ я желалъ тогда съ волнами
 Коснуться милыхъ ногъ устами!
 Нѣтъ, никогда средъ пылкихъ дней
 Кипящей младости моей
 Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
 Лобзать уста молодыхъ Армидъ,

Иль розы пламенныхъ ланить,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцахъ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоять ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что-жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ,
Подъ ней сѣбѣ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колачѣ, не разъ
Ужъ отворяя свой *vasisdaß*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленный
И утро въ полночь обротя,
Спокойно спать въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется заповдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслаждений?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой,
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,

Подобный английскому *сплину*,
 Короче — русская *хандра*
 Имъ овладѣла понемногу;
 Онъ застрѣлится, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ,
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....

XLII.

Причудницы большого свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій тонъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуетъ Сея и Бентама;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хоть невинный, вздоръ.
 Къ тому-жъ онѣ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужчинъ,
 Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

XLIII.

И вы, красотки молодые,
 Которыхъ позднѣе порой

Уносятъ дрожжи удалыя
 По петербургской мостовой,
 И васъ покинулъ мой Евгений.
 Отступникъ бурныхъ наслаждений,
 Онѣгинъ дома заперся,
 Зѣвая, за перо взялся,
 Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
 Ему былъ тошенъ; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попалъ онъ въ цехъ задорный
 Людей, о коихъ не сужу
 Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И, снова преданный бездѣлю,
 Томясь душевной пустотой,
 Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
 Себѣ присвоить умъ чужой;
 Отрядомъ книгъ устави́лъ полку,
 Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
 Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
 Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
 На всѣхъ различныя вериги;
 И устарѣла старина,
 И старымъ бредить новизна.
 Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
 И полку съ пыльной ихъ семьей
 Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
 Какъ онъ отставъ отъ суеты,
 Съ нимъ подружился я въ то время.
 Мнѣ нравились его черты,
 Мечтамъ невольная преданность,
 Неподражаемая странность

П рѣзкій, охлажденный умъ.
 Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоихъ насъ;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злоба
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того тревожить
 Призракъ невозвратимыхъ дней —
 Тому ужъ нѣтъ очарованій,
 Того змѣя воспоминаній,
 Того раскаянье грызетъ.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ, но я привыкъ
 Къ его язвительному спору,
 И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
 Когда прозрачно и свѣтло
 Ночное небо надъ Невою,
 И водъ веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Дианы,
 Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!

Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
 Перенесенъ колодникъ сонный,
 Такъ уносились мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
 И опершися на гранитъ,
 Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
 Какъ описалъ себя пѣтъ.
 Все было тихо, лишь ночные
 Перекликались часовые,
 Да дрожекъ отдаленный стукъ
 Съ Мильонной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ,
 И насъ пѣняли вдалекѣ
 Рожокъ и пѣсня удалая.
 Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
 Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны!
 О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
 И, вдохновенъ снова полный,
 Услышу вашъ волшебный гласъ!
 Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
 По гордой лирѣ Альбіона
 Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
 Почей Италіи златой
 Я нѣгой наслажусь на волѣ,
 Съ венеціанкою младою,
 То говорливой, то нѣмой,
 Плывая въ таинственной гондолѣ;
 Съ ней обрѣгутъ уста мои
 Языкъ Петrarки и любви.